

Артур
Конан Дойл

ОТРАВЛЕННЫЙ ПОЯС

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2020

**ОТРАВЛЕННЫЙ
ПОЯС**
повесть

Глава I

ЛИНИИ ПОМУТНЕЛИ

Д а, я обязан теперь же, пока события ещё свежи в моей памяти, изложить их с той точностью деталей, которую время может затемнить. Но, приступая к исполнению своего настоящего долга, я в изумлении останавливаюсь перед тем чудесным фактом, что именно нам четверым, героям «Затерянного мира» — профессору Челленджеру, профессору Саммерли, лорду Джону Рокстону и мне, — довелось пережить это удивительное приключение.

Несколько лет тому назад, когда я печатал в «Дейли-гэзетт» отчёт о нашем эпохальном путешествии в Южную Америку, я никак не думал, что мне когда-нибудь выпадет на долю рассказать по личному опыту о ещё более странном событии, единственном в летописях человечества, о событии, которое будет стоять в памяти истории как некая великая вершина среди скромных соседних холмов. Само по себе событие будет всегда казаться чудом, но обстоятельства, которые свели вместе нас четверых ко времени этого необычного происшествия, складывались самым естественным образом. Постараюсь рассказать о них как можно короче и ясней, хоть я и понимаю, что в дан-

ном случае читатель был бы рад каждой лишней подробностью, потому что любопытство людское поистине ненасытно — было, есть и будет.

В пятницу, двадцать седьмого августа — навеки памятная дата мировой истории, — я зашёл в редакцию своей газеты и попросил мистера Мак-Ардла, который и по сей день ведёт у нас отдел «Последних новостей», дать мне трёхдневный отпуск. Добрый старый шотландец покачал головой, поскрёб чахлую рыжую бородку и облёк наконец свой отказ в такие слова:

— В эти дни, мистер Мелоун, я, напротив, особенно на вас рассчитываю. Видите ли, тут у нас подвернулось такое дельце, что только вы один и можете обделать его как надо.

— Прошу меня извинить, — сказал я, стараясь не выдать разочарования. — Раз я нужен, то, конечно, вопрос исчерпан. Но мне надо съездить по одному очень важному личному делу. Так что если можно меня освободить...

— Боюсь, никак нельзя.

Было очень обидно, но пришлось сделать весёлое лицо. В конце концов пенять мне было не на кого, кроме как на себя самого, — уж мне ли не знать, что журналист не вправе располагать собой!

— Значит, из мыслей вон! — сказал я со всей веселостью, какую успел напустить на себя при таком решительном отказе. — Что же вы надумали мне поручить?

— Я хочу послать вас в Ротерфилд взять интервью у этого дьявола во образе человеческого.

— Вы не о профессоре ли Челленджере? — воскликнул я.

— О нём, а то о ком же? На той неделе к нему явился Алек Симпсон из «Курьера», так он схватил беднягу одной рукой за шиворот, другой за штанину и волочил его таким манером целую милю по большой дороге. Можете

ОТРАВЛЕННЫЙ ПОЯС

теперь, оглядываясь на прошлое, я понимаю их связь со всем, о чём я должен рассказать.

Был ли шофёр новичком, как мне показалось, или его разволновала ссора, но только вёз он нас на вокзал из рук вон плохо. Мы дважды едва не столкнулись со встречными такими же взбесившимися авто, и, помню, я сказал профессору, что искусство водителей в Лондоне заметно снизилось против обычной нормы. Один раз мы врезались в большую толпу, следившую за дракой на углу Пэл-Мэл. Поднялся крик, возбуждённые зрелищем люди злобно орали на неумелого шофёра, а какой-то господин вскочил к нам на подножку и замахнулся на нас тростью. Я спихнул его, но мы были куда как рады, когда избавились от преследователей и благополучно выбрались оттуда. Следуя одна за другой, эти мелкие неприятности взвинтили мне нервы, и по раздёрганным движениям моего спутника я видел, что и его терпение истощено.

Но к нам сразу вернулось доброе расположение духа, как только мы увидели маячившую на перроне высокую и худощавую фигуру лорда Джона Рокстона, облачённую всё в тот же тёмно-жёлтый, добротной шерсти охотничий костюм. Резкое лицо нашего друга с яростными и добродушно-насмешливыми глазами загорелось радостью при нашем появлении. В его рыжих волосах уже пробивалась седина, и резец времени углубил морщины на его лбу, но в остальном он показался мне прежним лордом Джоном, добрым товарищем наших прошлых дней.

— Здравствуйте, герр профессор. Здравствуйте, здравствуйте, мой юный друг! — кричал он, идя нам навстречу.

Увидев, что носильщик везёт за нами на тележке два баллона с кислородом, он буйно расхохотался.

— Ага! Вы тоже с багажом! Мой уже в вагоне. Что он затевает, наш чудак?

ОТРАВЛЕННЫЙ ПОЯС

правда ли, — принимать гостей? Соседи с нами не в большой дружбе. Дать им волю — они, я думаю, подсыпали бы нам крысиного яда в хлеб.

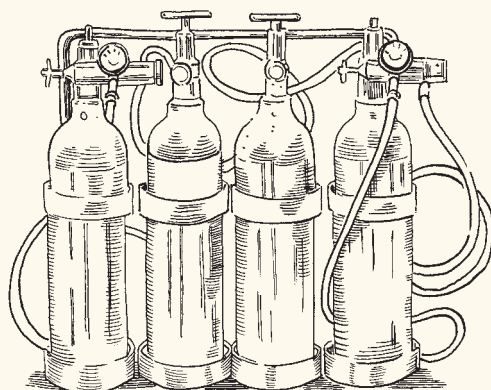
— Это ужасно, ужасно! — воскликнула женщина, смеясь сквозь слёзы. — Джордж вечно со всеми ссорится. У нас нет кругом ни одного друга.

— Что позволяет мне сосредоточить всё внимание на моей несравненной жене, — подхватил Челленджер, обняв её за талию толстой, короткой рукой. Представьте себе гориллу и газель, и перед вами встанет эта супружеская чета. — Идём скорей, гости устали с дороги, и завтрак будет сейчас очень кстати. Сара вернулась?

Женщина сокрушённо покачала головой, а профессор громко рассмеялся и величественно погладил бороду.

— Остин, — крикнул он шофёру, — когда поставите машину, пожалуйста, помогите хозяйке накрыть на стол! А сейчас, джентльмены, пройдем ко мне в кабинет, так как я хочу безотлагательно сделать вам кое-какие очень важные сообщения.

Глава II ПРИЛИВ СМЕРТИ

Мы проходили через переднюю, когда раздался телефонный звонок, и мы поневоле подслушали реплики профессора Челленджера в последовавшем диалоге. Я говорю «мы», но на сто ярдов вокруг никто не мог бы не услышать этого громового баса, сотрясавшего весь дом. Ответы профессора запечатлелись в моём мозгу.

— Да, да, конечно, это я... да, разумеется, тот самый Челленджер, знаменитый Челленджер, кто же ещё?.. Безусловно, отвечаю за каждое слово, иначе я не написал бы... Нет, не удивлюсь... За это говорят все показания... Не позже как через сутки... Ничем не могу помочь... Очень неприятно, не спорю, но это, полагаю, коснётся и людей поважнее вас. Плачь не плачь — конец один. Нет, никак

ОТРАВЛЕННЫЙ ПОЯС

где растянулся второй ребёнок — маленький мальчик. Ещё ближе к нам, подогнув колени, стояла между оглобелей мёртвая лошадь. Старик извозчик свесился с облучка причудливым чучелом, и руки его нелепо болтались впереди. Мы смутно различали в оконце колымаги сидевшего в ней молодого человека. Дверца была распахнута, и пальцы его ухватились за ручку, словно в последнюю секунду он пытался выпрыгнуть на ходу. На половине подъёма тянулось поле для гольфа, испещрённое так же, как и утром, силуэтами игроков, но только теперь они неподвижно лежали на скошенной траве поля и в окаймлявшем его вереске. На одном участке, самом зелёном, распласталось восемь тел — четвёрка самых азартных игроков и маленькие их помощники, до конца не ушедшие с поля. Ни одной птицы не видно было в синем куполе неба, ни один человек и ни одно животное не двигались во всём широком просторе, открывавшемся перед нами. Солнце мирно посылало косые лучи, но на всё легла тишина и безмолвие смерти — вселенской смерти, к которой так скоро должны были приобщиться и мы. Сейчас только эта хрупкая стеклянная перегородка, удерживая добавочный кислород, который противодействовал отравленному эфиру, отделяла нас от судьбы, постигшей весь наш род. На несколько коротких часов знания и прозорливость одного человека уберегли маленький оазис жизни в бескрайней пустыне смерти и не дали общей гибели захватить и нас. Потом кислород наш иссякнет, и мы тоже растянемся, задыхаясь, на этом тёмно-вишнёвом ковре на полу будуара, и тогда свершится до конца судьба человечества и всей жизни земной. Мы долго в торжественном молчании смотрели трагедию мира. Челленджер первый решил заговорить.

— Загорелся дом, — вдруг сказал он, указывая на столб дыма, поднявшийся из-за деревьев. — Сейчас, надо

ОТРАВЛЕННЫЙ ПОЯС

волосатыми кулаками протирает глаза, точно большой бородатый младенец со сна. Саммерли, поняв положение вещей, затрясся мелкой лихорадочной дрожью: на одну минуту простой человеческий страх одержал верх над стоицизмом учёного. Лорд Джон, напротив, был так спокоен и бодр, как будто собирался на охоту.

— Пятый и последний, — сказал он, взглянув на баллон. — Но что это вы, молодой человек, сидели всю ночь с блокнотом на коленке — неужели записывали впечатления?

— Да, набросал кое-какие заметки, чтобы протянуть время.

— Ну и ну! Наверно, только ирландец способен на такую штуку. Боюсь, вам придётся ждать читателя, пока не подрастёт сестрица амёба. Сейчас она едва ли хоть сколько-нибудь смыслит в литературе. Ну, герр профессор, какой ваш прогноз?

Челленджер всматривался в космы густого утреннего тумана, затопившего поля. Здесь и там лесистые холмы коническими островами поднимались из седого моря.

— Земля словно в саване, — сказала миссис Челленджер, выйдя к нам в утреннем халате. — Как там, Джордж, поётся в твоей любимой песне? «Старому — звон похоронный, благовест — новому дню!»... Точно пророчество. Но вы продрогли, мои дорогие друзья. Мне было тепло под одеялом, а вы, бедные, мёрзли в креслах всю ночь! Ничего, сейчас вы у меня согреетесь.

Храбрая маленькая женщина скрылась за портьерой, и вскоре мы услышали посвистывание котелка. Она вернулась, неся на подносе пять дымящихся чашек какао.

— Пейте, — сказала она, — вам сразу станет лучше.

Мы и в самом деле приободрились. Саммерли просил разрешения, и все закурили — он свою трубку, мы трое папиросы. Курение, я думаю, укрепило наши нервы,

ОТРАВЛЕННЫЙ ПОЯС

что мне пришлось отвести глаза от его слепящего блеска. Мгновение спустя железная клеть остановилась на специальной площадке, из неё буквально выползли четыре человека и побрели к выходу.

— Почти вся смена, — сказал Мелоун. — Шутка ли — проработать два часа на такой глубине. Кое-что из твоего оборудования уже можно монтировать. Думаю, сейчас стоит спуститься вниз. Тогда ты сам сможешь оценить обстановку.

У машинного отделения была небольшая пристройка, куда он и провёл меня. На стене висело несколько довольно просторных костюмов, сшитых из тончайшей шёлковой материи. По примеру Мелоуна я разделся и облачился в один из них; на ноги надел лёгкие туфли на резиновой подошве. Мелоун, который переделся быстрее, первым вышел из раздевалки. Через секунду послышался такой шум, словно сцепилась целая свора собак, и, выскочив на улицу, я увидел, как мой друг катается по земле в обнимку с чумазым рабочим, который сопровождал моё оборудование. Мелоун явно пытался вырвать у него из рук какой-то предмет, но тот судорожно вцепился в него. Мелоун, который оказался намного сильнее, в конце концов всё же завладел предметом и, бросив его на землю, топтал ногами до тех пор, пока он не разлетелся на куски. Только тогда я понял, что это был фотоаппарат. Мой работник уныло поднялся с земли.

— Чтоб ты сдох, Мелоун, — сказал он. — Совсем новый аппарат, и стоит десять гиней!

— Ничем не могу помочь, Рой. Вижу, ты собираешься фотографировать, что мне ещё оставалось делать?

— Как, чёрт побери, вам удалось заделаться ко мне в помощники? — закричал я, горя праведным гневом.

СОДЕРЖАНИЕ

Отравленный пояс (<i>перевод Н. Вольпин</i>)	
ГЛАВА I. Линии помутнели	6
ГЛАВА II. Прилив смерти	29
ГЛАВА III. Захлестнуло	50
ГЛАВА IV. Хроника смерти	72
ГЛАВА V. Мёртвый мир	88
ГЛАВА VI. Великое пробуждение	108
Когда Земля вскрикнула (<i>перевод Е. Туевой</i>)	123
Дезинтеграционная машина (<i>перевод М. Антоновой</i>)	169